Ивашечка и ведьма

Основано на издании 1894 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/ivashechka_i_vedma/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Ивашечка и ведьма

Жили-были старик со старухой: уж почти век вместе скоротали, а детей так и не нажили. Пока молодыми были, особо не кручинились, друг друга уважали, во всём помогали. А как старость пришла – воды подать некому. Плачут они, горюют, да разве ж слезами горю поможешь?

Вот пошёл как-то старик в лес за дровами. Выбрал берёзу покрепче, только топором замахнулся, как заговорило дерево человеческим голосом:

— Подожди, добрый человек, не руби меня! Дай мне ещё на травке постоять, на ясном солнышке погреться. Знаю, о чём ты тужишь, помогу я твоему горю. Срежь с меня молодую веточку, отнеси домой, да вели жене своей в чистые пелёнки её укутать, новой ленточкой обвязать, а потом в тёплую золу под печку положить. Вот увидишь, что будет!

Послушался старик берёзу, не стал её рубить, срезал молодую веточку да велел жене сделать всё так, как дерево сказало. А наутро из-под печки тоненький голосок раздался:

— Батюшка, матушка, вытащите мя отсюда!

Глянули старики под печь, а там мальчоночка лежит, в пелёночку завёрнутый. И такой он славненький, словно ягодка! Уж как муж с женой сынку обрадовались, и словами не передать. Назвали они его Ивашечкой, стали кормить-растить, уму разуму учить.

Год прошёл, другой миновал, а как исполнилось мальчоночке семь годков, стал он просить:

— Сделай мне, батюшка, пожалуйста, челночок да вёсельце. А ты, матушка, пошей мне белую рубашечку с красным пояском. Буду я по озеру плавать, вам рыбку ловить.

Только родители не соглашаются:

— Да куда ж тебе, мал ты ещё! Утонешь, не дай Бог!

— Нет, не утону, я уже большой!

И так он жалобно уговаривал, что не смогли старики сыночку своему отказать. Сделал отец ему челночок да вёсельце, а мать сшила белую рубашечку с красным пояском. Наутро надел Ивашечка обновки, сел в лодочку, стал приговаривать:

— Челночок-челночок, плыви от берега подальше! Челночок-челночок, плыви от берега подальше!

Лодочка и поплыла – далеко-далеко. К обеду пришла старуха на бережок, стала мальчоночку своего кликать:

— Ивашечка, сыночек, плыви-плыви к бережочку! Матушка твоя пришла, поесть те-

бе принесла. А ещё принесла попить да чистую рубашечку переменить!

Услыхал сынок материн голос, стал приговаривать:

— Челночок-челночок, плыви к берегу ближе: это матушка меня зовет!

Приплыла лодочка к берегу, старуха Ивашечку накормила, напоила, чистую рубашечку с красным пояском на него надела да опять за рыбкой отпустила. На следующий день снова Ивашечка на реку пошёл, стал приговаривать:

— Челночок-челночок, плыви от берега подальше! Челночок-челночок, плыви от берега подальше!

Лодочка и поплыла – далеко-далеко. К обеду пришёл старик на бережок, стал мальчоночку кликать:

— Ивашечка, сыночек, плыви-плыви к бережочку! Батюшка твой пришёл, поесть тебе принес. А ещё принёс попить да чистую рубашечку переменить!

Услышал сынок отцовский голос, стал приговаривать:

— Челночок-челночок, плыви к берегу ближе: это батюшка меня зовет!

Приплыла лодочка к берегу, старик Ивашечку накормил, напоил, чистую рубашечку с красным пояском на него надел да опять за рыбкой отпустил.

Услыхала ведьма, как старики сына своего кликали, и задумала поймать Ивашечку, чтобы съесть его. Вот пришла она на берег да завывала страшным голосом:

— Ивашечка, сыночек, плыви-плыви к бережочку! Матушка твоя пришла, поесть тебе принесла. А ещё принесла попить да чистую рубашечку переменить!

А мальчоночка распознал, что это ведьмин голос, а не материн, да говорит:

— Челночок-челночок, плыви от берега подальше! Челночок-челночок, плыви от берега подальше! Это не матушка, это ведьма меня зовет!

Лодочка и уплыла – далеко-далеко. Видит ведьма, что так просто Ивашечку не обмануть, побежала к кузнецу.

— Кузнец-кузнец, – говорит, – скуй мне такой голосок, как у Ивашкиной матери, а не то я тебя съем!

Испугался кузнец, сковал злой колдунье такой же голосок, как у Ивашечкиной матушки. Прибежала ведьма на берег, спряталась в кустах да давай кликать мальчоночку точь-в-точь таким же голоском, как у его матушки:

— Ивашечка, сыночек, плыви-плыви к бережочку! Матушка твоя пришла, поесть тебе принесла. А ещё принесла попить да чистую рубашечку переменить!

Обознался мальчик, приплыл к берегу, а ведьма из кустов выскочила, схватила его, в мешок сунула да потащила к себе в избушку на курьих ножках. Как пришла домой, приказала работнице своей Алёнке:

— Истопи печь да зажарь мне Ивашку на обед! А я пока по делам отойду.

Вот истопила Алёнка печку жарко-жарко, взяла лопату, на которой хлеб в печь сажают, да говорит Ивашечке:

— Ну, ложись на лопату!

Мальчонка лёг поперёк лопаты – никак не может Алёнка его в печь засунуть. Говорит она тогда:

— Неправильно ты ложишься, глупый! Ты вдоль лопаты ляг!

Лёг Ивашечка вдоль да ногами в устье печки уперся – опять не может его Алёнка в печь засунуть.

— Эх, опять не так! – рассердилась работница.

— Да мал я еще, не знаю, как нужно! – отвечает Ивашечка. – Ты мне сама покажи!

— Хорошо, показать недолго!

Легла Алёнка вдоль лопаты, ноги вытянула, руки сложила. А Ивашечка шмыг, засунул её в печь, заслонкой закрыл, лопатой припёр. Сам из ведьминой избушки выбежал, двери запер, залез на высокую-превысокую сосну, на самую верхушку, да там затаился.

А ведьма домой воротилась, стучится, только никто ей не отворяет.

— Ишь, – думает, – ушла лентяйка без разрешения. Небось, где-нибудь теперь с подружками болтается!

Забралась ведьма в избушку через окошко, накрыла на стол, вынула жареную Алёнку из печи да давай есть. Как наелась, вышла на лужок, стала на травке валяться да приговаривать:

— Покатаюсь-повалюсь, Ивашкиного мясца поевши!

А мальчонка с дерева отвечает:

— Покатайся-повалйся, Алёнкиного мясца поевши!

— Что-то чудится, будто меня кто-то переговаривает, – думает ведьма.

Огляделась по сторонам, никого не заметила и опять давай на травке валяться, приговаривать:

— Покатаюсь-повалюсь, Ивашкиного мясца поевши!

А мальчонка с дерева опять:

— Покатайся-повалйся, Алёнкиного мясца поевши!

Притихла ведьма, прислушалась, по сторонам огляделась – никого. Потом подняла голову вверх и увидела, что Ивашечка на сосне сидит, над ней насмехается. Взвыла тогда злая колдунья от злости, заскрипела зубами да бросилась то дерево грызть. Грызла-грызла – все зубы себе выломала. Побежала она к кузнецу:

— Кузнец-кузнец! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!

Испугался кузнец, выполнил приказ. Прибежала ведьма к дереву, впилась в него же-

лезными зубами. Зашаталась сосна, затрещала. Сидит, Ивашечка ни жив, ни мёртв, вдруг видит: летит стая гусей. Взмолился он, стал птиц упрашивать:

— Гуси мои, лебёдушки! Возьмите меня к себе крылышки! Отнесите к отцу, к матери! Родители мои вас отблагодарят: накормят, напоят, на ночлег пустят!

— Га-га-га! – отвечают гуси. – За нами ещё одна стая птиц летит, пусть они тебя возьмут!

А ведьма дерево грызет, не унимается, только щепки летят, сосна уж трещит, шатается. Летит другая стая гусей. Опять стал Ивашечка умолять:

— Гуси мои, лебёдушки! Возьмите меня к себе крылышки! Отнесите к отцу, к матери! Родители мои вас отблагодарят: накормят, напоят, на ночлег пустят!

— Га-га-га! – отвечают гуси. – За нами гусёнок отставший летит, пусть он тебя возьмет!

Смотрит Ивашечка в небо, но гусёнка всё нет да нет. А дерево уж почти совсем перегрызено, вот-вот повалится. Остановилась ведьма передохнуть, глядит на мальчонку, облизывается. Наконец, показался гусёнок отставший, еле-еле крылышками машет. Взмолился мальчоночка:

— Ой ты, гусёнок мой, лебедёнок! Возьми меня к себе на крылышки! Отнеси к отцу, к матери! Родители мои тебя досыта накормят, холодной водицей напоят, подлечат!

Пожалел гусёнок Ивашечку, подхватил его на крылья да понёс к родителям. Прилетел в деревню, опустился на крышу родительского дома. А старуха в это время блинов напекла. Сидят они вместе с мужем, сына своего поминают.

— Это тебе, старик, блин, а это мне! Это тебе, а это мне, это тебе, а это мне, – приговаривает старуха.

Вдруг откуда-то сверху голосок тоненький раздался:

— А мне?

Прислушалась старуха – тишина. Снова стала она приговаривать:

— Это тебе, старик, блин, а это мне! Это тебе, а это мне, это тебе, а это мне.

Вдруг опять ей голосок тоненький слышится:

— А мне?

— Посмотри-ка, старый, кто это там, на крыше попискивает? – говорит жена мужу.

Вышел старик во двор, глядь, а на крыше Ивашечка сидит – живой да невредимый. Уж так обрадовались ему отец с матерью, что и словами передать нельзя. Стали они опять втроём жить-поживать да добра наживать. А гусёнка слабенького подлечили, отпоили, откормили, а как окреп – на волю пустили. С той поры стал он широко крыльями махать, впереди стаи летать. И теперь живёт-поживает, Ивашечку да родителей его добром вспоминает.